

3. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. С. Вавилова. М. : Жуковский : Канон-пресс-Ц, 2003. 464 с.

4. Окинавская хартия глобального информационного общества. URL: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html> (дата обращения: 03.12.2019).

5. Понарина Н. Н. Глобализация и информационное общество // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-informatsionnoe-obschestvo> (дата обращения: 03.12.2019).

УДК 34:004

Столяров Алексей Сергеевич,

аспирант, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

asstolyarov@yandex.ru

Проблемы права в условиях формирования цифровой реальности

В статье сделана попытка описать позитивные и негативные стороны процесса «цифровизации» правовой среды, рассмотреть некоторые вопросы воздействия информатизации на правовые институты, а также осветить возможные проблемы информационной безопасности в сфере государственного суверенитета.

Ключевые слова: «цифровая» реальность, интернет-сообщество, цифровая экономика, искусственный интеллект, трансформация права, обеспечение безопасности государственного суверенитета.

Stolyarov Alexey Sergeevich,

postgraduate student, Kostroma state University,

Kostroma, Russian Federation

Problems of law in the conditions of digital reality formation

The article attempts to describe the positive and negative aspects of the process of “digitalization” of the legal environment, to consider some issues of the impact of Informatization on legal institutions, as well as to highlight the possible problems of information security in the sphere of state sovereignty.

Keywords: “digital” reality, Internet community, digital economy, artificial intelligence, transformation of law, security of state sovereignty.

Мировая аудитория интернета в 2019 году насчитывает 4,39 миллиарда человек, что на 366 миллионов или на 9 % больше, чем на начало 2018 года [7]. Начиная с 2018 года в среднем один миллион человек каждый день впервые от-

крывали для себя глобальную сеть, а это 11 новых пользователей Интернета в секунду.

Согласно данным Международного союза электросвязи, чтобы достичь первого миллиарда интернет-пользователей, понадобилось 16 лет. Второй миллиард присоединился к сети всего за 6 лет. Сегодня же интернет растет со скоростью 1 миллиард новых пользователей в 2,7 года.

Уровень проникновения интернета в различных странах не равномерен. Так, например, в США более 310 миллионов человек используют интернет сегодня, а уровень проникновения интернета достиг 95 %. В России этот показатель немного ниже, но так же достаточно значителен и составляет 110 миллионов интернет-пользователей, уровень проникновения интернета составляет 76 %.

В социальных сетях зарегистрировано 3,5 миллиарда пользователей, при этом 3,3 миллиарда человек заходят в социальные сети с мобильных устройств. Эксперты оценивают проникновение социальных сетей в мире на уровне 45 %, а в Российской Федерации на уровне 49 % от общей численности населения [1].

Таким образом, можно уверенно говорить о формировании «цифровой» реальности, которая характеризуется огромным и постоянно увеличивающимся объемом информации, быстрым развитием цифровых технологий и их внедрением в сферы межгосударственных отношений и государственного управления, а также практически во все сферы общественных отношений, формированием интернет сообщества.

В этой «цифровой» реальности происходит трансформация системы права, формируется запрос на выработку методов и приемов регулирования общественных отношений в новых условиях.

В условиях новой реальности право становится не только средством, инструментом, обеспечивающим «цифровизацию» экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и объектом воздействия «цифровизации», в результате которого оно претерпевает изменения своей формы, содержания, системы, структуры, механизма действия и демонстрирует тенденцию к усилению наметившихся трансформаций [9, с. 85].

Фактически «цифровизация» оказывает влияние на различные сферы правового регулирования общественных отношений, в том числе и на те, которые требуют корректировки регулирования в новых условиях или которые возникли в результате формирования самой «цифровой» реальности. Например, общественные отношения в сфере цифровых технологий, реализации прав человека в виртуальном пространстве, создания и применения искусственного интеллекта, избирательных прав граждан, государственного управления и др.

На сегодняшний день потоки социально-правовой информации, обрушивающиеся на юриста, требуют от него владения информационными технологиями, справочными правовыми системами, юридическими экспертными системами, современными программами и техническими средствами защиты информации, электронной цифровой подписью, информационными технологиями, лежащими в основе функционирования современных компьютерных сетей и глобальной сети Интернет [10, с. 97].

История информатизации права достаточно незначительна, что не позволяет однозначно выделить и оценить позитивные или негативные стороны данного процесса. Однако, по мнению О. А. Шабаетовой, сам процесс взаимодействия права и информатизации (как процесса) не несет в себе отрицательных несоизмеримых получаемому опыту последствий. Право развивается, приобретает новые формы, источники закрепления, а это все способствует становлению более модернизированной правовой системы [11, с. 17].

Процесс информатизации, безусловно, играет положительную роль в сфере права, например, в части совершенствования и упрощения механизмов правотворчества, правоприменения и правореализации. Развитие информационно-правовой среды позволяет перераспределять экономические и физические ресурсы. Так, уже сейчас мы наблюдаем стремительное развитие информационных систем, позволяющих быстро и эффективно собирать, обобщать и анализировать различную информацию, на основе которой можно выявлять проблемные вопросы в законодательстве. Кроме того, использование общедоступных информационно-правовых систем, таких как «КонсультантПлюс», «Гарант» и др., приводит к повышению уровня правосознания и правовой культуры граждан.

Информационное воздействие испытывает на себе все общество в целом, в результате чего неизбежно происходит переосмысление понятий и ценности не только норм права, но и морали, нравственности. Последствия этих процессов можно оценивать неоднозначно, но точно можно утверждать, что они вносят изменения в структуру общества и уже запустили процесс формирования единой информационной среды. Позитивные или негативные последствия будет иметь данный процесс зависит от того сможет ли общество и трансформирующая система права обеспечить сохранение основных принципов гуманизма права, не допустив «цифровизации» понятий морали и нравственности.

Одним из основных моментов «цифровой» реальности является появление и стремительное развитие искусственного интеллекта (далее – ИИ). Проблема правового регулирования в сфере обращения ИИ как настоящего времени, так и будущего уже достаточно сформулированы и изучены.

Как утверждает Соменков С.А. искусственный интеллект все активнее входит в самые разные сферы, которые ранее считались доступными только для человека. Применительно к гражданско-правовым отношениям на сегодняшний день несомненно, что системы ИИ – это объект таких отношений. Но объект достаточно специфичный [6, с. 79].

Основной вопрос правоведения, сможет ли общество в будущем признать ИИ субъектом правоотношений. Такой вопрос за рубежом уже обсуждается на уровне Европейского парламента, в части предоставления роботам статуса «электронной личности». По мнению авторов законопроекта ЕС необходимо установить базовые этические принципы и юридические рамки, регулирующие работу устройств и предлагают возложить на роботов ответственность за совершаемые ими действия.

Данный законопроект вызвал резкую негативную реакцию более 150 экспертов в области искусственного интеллекта, робототехники, права и этики из

14 стран. По мнению ученых, невозможно доказать ответственность машины, если она из-за сбоя или недостаточного совершенства своих алгоритмов нанесла окружающим вред [2].

Попытки правотворчества в этом направлении принимаются и в России. Так, основатель «Grishin Robotics» представил проект закона, которым предлагается закрепить в ГК РФ понятие робота-агента. Такой робот, согласно проекту, должен иметь обособленное имущество и отвечать им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности [5, с. 83]. По нашему мнению, в настоящее время попытки такого нормотворчества вызваны интересами заинтересованных компаний, производящих системы ИИ с целью переложить с себя ответственность за недостатки в своей продукции, оснащенной ИИ.

В настоящее время «цифровая» реальность активно меняет структуру мирового рынка труда. Собственники бизнеса в борьбе за рынки высокотехнологичной продукции стремятся повысить производительность труда путем снижения себестоимости произведенной продукции и издержек на производственный персонал. Человек все чаще заменяется системой с ИИ, например совершение онлайн-операций в банках, использование электронных библиотек и т. д. Все эти процессы формируют реалии цифровой экономики.

Некоторые эксперты утверждают, что всего через лет 20 из-за развивающихся информационных технологий и искусственного интеллекта отпадет необходимость в управлении человеком автомашинами и самолетами, юристы останутся без работы, поскольку все спорные правовые вопросы компьютер станет обрабатывать в сотни раз быстрее и точнее [3, с. 58]. Большая роль новым технологиям отводится в сфере медицинских услуг, ИИ уже сейчас способен диагностировать различные заболевания. Новые технологии, использующие искусственный интеллект, способны выполнять очень сложные функции.

Говоря о изменении структуры рынка труда в новых условиях «цифровизации» не возможно обойти нашумевшее высказывание руководителя ПАО Сбербанк Г. Грефа в 2016 г., который заявил, что Сбербанк через пять лет сможет принимать 80 % всех решений с помощью искусственного интеллекта. Это означает, что десятки тысяч людей потеряют свою сегодняшнюю работу [6, с. 85].

Но сможет ли ИИ подменить собой человека во всех сферах деятельности? Хочется верить, что нет.

Так, внедрение ИИ в сферу правосудия представляется спорным процессом, так как принятие решение в данном вопросе должно оставаться за человеком с учетом принципов гуманизма и справедливости, норм морали и нравственности, которые не подвластны ИИ.

В настоящее время, согласно данным Европейской комиссии по эффективности правосудия SEREJ [5], системы ИИ уже полноценно применяются в системах правосудия во Франции, Великобритании и США в основном для анализа данных. Однако если во французских программах весь функционал ограничен гражданским правом, то в США и Великобритании применения такого софта распространяется и на уголовные дела.

В то же время, проверка эффективности применения алгоритма американской программы COMPAS выявило, программа практически вдвое чаще, чем у других групп, указывала на возможный риск повторного преступления, когда речь заходила об афро-американцах.

Учитывая эти риски, Совет Европы принял в 2018 году первую Этическую хартию искусственного интеллекта в судебных системах, согласно которой использование ИИ в этой сфере может помочь повысить эффективность и качество работы судов, однако его следует применять ответственно [5].

Развитие «цифровой» реальности естественным образом способствует развитию такого негативного явления, как киберпреступность. По прогнозам экспертов размер ущерба от киберпреступности к 2021 году будет составлять 6 триллионов долларов в год, по сравнению с 3 триллионами долларов в 2018 году [8]. Это тоже одна из объективных реальностей требующих оценки и своевременных правовых решений.

Правовой проблемой в вопросах противодействию киберпреступности является, то, что процесс доказывания данных видов преступлений сложен и требует определенной процедуры. Кроме того, в отечественной правовой системе существует проблема соразмерности ответственности за преступления в информационной сфере, которая должна учитывать тенденции и динамику роста их количества.

Основным вопросом сохранения государственного суверенитета в условиях «цифровой» реальности является формирование и четкая реализация нормативной правовой базы в сфере обеспечения информационной безопасности.

Информация в «цифровой» реальности является не только ценным ресурсом, но и возможно опасным средством воздействия на сознание целых групп населения в мире или в конкретном государстве. Поэтому каждое современное государство уделяет внимание обеспечению должного уровня информационной безопасности.

Негативным примером тому, могут служить скандалы вокруг выборов президента США в 2016 году и необоснованные обвинения руководства Российской Федерации в попытке воздействия на избирательный процесс чужого государства посредством интернета. Так же, негативным примером использования сети интернет в деструктивных целях и политической борьбе может являться формирование негативного общественного мнения в отношении органов власти и организация протестных движений посредством сети интернет в Российской Федерации в 2012 году, которые были направлены на отмену результатов выборов президента.

Такое информационное воздействие, способно манипулировать массовым сознанием конкретного государства и фактически обладает признаками «информационной войны». Кроме того, виртуальное пространство настолько обширно, что приводит к потере его наблюдаемости и контролируемости, определенная часть важной информации, необходимой для принятия значимых для государства решений искажается или не доходит до лиц, принимающих решения. Именно эти направления наиболее опасны для сохранения государственного суверенитета любого государства.

Решение данных проблем обеспечения защиты государственного суверенитета Российской Федерации в условиях «цифровой» реальности нашли отражение в Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество» [4], в частности в подпрограмме «Безопасность в информационном обществе».

Таким образом, в условиях стремительно развивающейся «цифровой» реальности юридическое сообщество обязано своевременно прогнозировать, оценивать и предотвращать или минимизировать негативные риски, в том числе и в целях недопущения угроз государственному суверенитету Российской Федерации.

Библиографический список

1. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-gossii> (дата обращения: 08.12.2019).

2. Ксенофонтова А. Бесправный механизм: почему ученые выступили против присвоения роботам статуса «электронной личности». URL: <https://russian.rt.com/science/article/504118-roboty-evroparlament-yuridicheskoye-lico> (дата обращения: 08.12.2019.).

3. Мацкевич И. М. Причины экономической преступности : учеб. пособие. М. : Проспект, 2017. 272 с.

4. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 22.11.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 годы)». URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/4137/> (дата обращения: 08.12.2019 г.).

5. Совет Европы принял хартию о судебном применении искусственного интеллекта. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20181204/292074043.html (дата обращения: 08.12.2019).

6. Соменков С.А. Искусственный интеллект: От объекта к субъекту? / Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 2. С. 75–85.

7. Специальный доклад «DIGITAL 2019: Глобальное использование интернета ускоряется». URL: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates> (дата обращения: 08.12.2019).

8. Статистика: современный интернет в цифрах. URL: https://www.iguides.ru/main/other/internet_statistika_sotsialnye_seti (дата обращения: 08.12.2019).

9. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

10. Чубукова С. Г., Элькин В. Д. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики) : учеб. пособие / под ред. М. М. Рассолова, В. Д. Элькина. 2-е изд., испр., доп. М. : Контракт, 2007. 287 с.

11. Шабаева О. А. Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1(84). С. 16–20.